

УДК 94(430)
DOI 10.52452/19931778_2021_6_24

**НИЖЕГОРОДСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ 1806–1807 гг.:
ОРГАНИЗАЦИЯ, ВООРУЖЕНИЕ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ И РОСПУСК
(по материалам Центрального архива Нижегородской области)
Статья вторая**

© 2021 г.

Д.А. Николаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

dmnikolaeff@mail.ru

Поступила в редакцию 01.11.2021

Рассматриваются вопросы формирования нижегородского ополчения 1806–1807 гг. На основе материалов Центрального архива Нижегородской области рассмотрены проблемы материально-финансового и медицинского обеспечения ополчения, его территориального размещения. Проанализированы характер и особенности военного обучения ополчения и принятия мер по укреплению воинской дисциплины. Охарактеризован процесс роспуска ополчения.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, нижегородское ополчение 1806–1807 гг., земская милиция, наполеоновские войны, офицерский состав, военные и гражданские чины, обеспечение, пожертвования.

**Финансовое обеспечение чинов
подвижной милиции**

3 апреля 1807 г. в журнале заседаний «Комитета для главного производства дел по милициям» был отмечен вопрос о размерах предполагаемого жалования для различных категорий милицейских служащих. Начальнику губернской милиции назначалось жалование в 1800 рублей в год¹ «с рационами противу армейских генерал-майоров»; начальникам территориальных «отделений», или бригадным начальникам, – по 1200 рублей в год; батальонным командирам «из тысячных, или пятисотенных» – по 690 рублей («да за трех денщиков за каждого по 30 рублей») [1, л. 119]; сотенным, или ротным командирам – 400 рублей («да за двух денщиков за каждого по 30 рублей»); «пятидесятным начальникам» – по 236 рублей («да за одного денщика по 30 рублей») [1, л. 119об]. Расчет жалования производился адъютантом – управляющим канцелярией губернского начальника милиции «по чину», «то есть штаб-офицеру против батальонного командира», пятисотенному начальнику полагалось жалование капитана, сотнику – жалование ротного командира, «ниже сего обер-офицерского чина против пятидесятника» [1, л. 119об]. Рядовым ратникам, унтер-офицерам, барабанщикам и нестроевым чинам полагались жалования, соответствующие «таковым чинам в штате егерских полков» [1, л. 119об]. Денежные суммы, идущие на жалования чинам ополчения, доставлялись не из сумм пожертвований, а из казенной палаты [1, л. 122].

Согласно «Ведомости, сколько нижеписанным служащим в егерских полках положено в год жалования по штату, «Высочайше опробованному в 30 день апреля 1802 г.» [1, л. 123–123об], размеры жалования по чинам и должностям были следующими:

Должность, чин	Рублей	Копеек
Фельдфебель	38	00
Портупей-юнker	17	00
Юнкер	17	00
Каптенармус	17	00
Младший унтер-офицер	14	00
Рядовой	9	50
Барабанщики:		
Полковой	13	00
Батальонный	13	00
Ротный	9	00
Нестроевые:		
Аудитор	236	00
Священник	146	00
Церковник	9	50
Батальонные лекари:		
Первый	242	70
Второй	192	70
Надзиратель больных унтер-офицерского чина	38	00
Батальонные фельдшеры:		
Старший	30	00
Младший	24	00
Цирюльник	9	50
Лазаретный служитель	9	50
Вагенмейстер унтер-офицерского чина	38	00
Писари:		

Полковой	60	00
Батальонный	38	00
Прочие:		
Квартирмейстер	17	00
Казначей	17	00
Полковой ложник	60	00
Помощник ложника	9	50
Кузнец	9	50
Коновал	60	00
Плотник	9	50
Фурлейт	8	00
Профос	8	00

Из сумм жалованья священнослужителей, аудиторов и лекарей вычиталось по 1 руб. 50 коп. на приобретение медикаментов и организацию медицинской помощи в целом; с рядовых и унтер-офицеров («кроме фурлейт, и денщиков, и профосов») на эти цели удерживалось по 1 руб.; столько же вычиталось из сумм жалованья штаб- и обер-офицеров, «с мастеровых» и коновала [1, л. 123об].

Жалованье полковым лекарям, на основании предписания 9 августа 1805 г., несколько позднее было уточнено и существенно увеличено, и предстояло на практике «Высочайше опробовать об оных медицинских чинах особый штат», согласно которому жалованье лекарям составляло: старший лекарь 1 класса – 750 рублей (в год); старший лекарь 2 класса – 600 руб.; младший лекарь 1 класса – 500 руб.; младший лекарь 2 класса – 400 руб.; старший фельдшер – 45 руб.; младший фельдшер – 36 руб. [1, л. 126].

Медицинское обеспечение нижегородской милиции

Уже начальный период формирования ополчения выявил острый недостаток врачебно-медицинского персонала, не «определенного» первоначально к местам сбора и пребывания войск, где сразу появились больные, которых «врачевать в одержимых их болезнях» было, на первых порах, некому. Согласно предписанию министра внутренних дел, губернские власти и начальники местных ополчений были обязаны заботиться о больных ратниках; во всяком случае на это выделялись средства «за счет сумм, из штатных команд ассигнованных» [2, л. 1]. По поводу же конкретных «исполнителей» процесса лечения – врачей – не было сказано ничего; по-видимому, данный вопрос местные власти должны были решать самостоятельно [2, л. 1–3]. Белавин в отношении к Руновскому просил «благоволить приказать городовым штаб-лекарям Нижегородскому, Арзамасскому и Макарьевскому (где располагались штаб-квартиры отделений милиции. – Д.Н.) пользоваться боль-

ных» [1, л. 133]; были проведены соответствующие согласования по этому вопросу и с нижегородской врачебной управой² [1, л. 133]. Денежные суммы на приобретение медикаментов и хирургических инструментов, как уже упоминалось, удерживались из сумм ополченного жалованья [1, л. 133]. Для «пользования больных» отводились отдельные «строения» в каждом пункте пребывания войска [1, л. 133]. Нашелся, пока официально не были утверждены врачебные штаты, и врач-доброволец – балахнинский штаб-лекарь Кандауров, который, увидев плачевное состояние медицинского обслуживания в 3-м ополченском батальоне, расположенном в Балахнинском уезде, «сверх отправляемой ... в городе (Балахне. – Д.Н.) и уезде помянутой должности, из усердия к пользе Отечества» выразил готовность лечить весь контингент ополченцев в уезде, без различия звания и должности «со употреблением на оное медикаментов на собственный мой (Кандаурова. – Д.Н.) счет» [1, л. 74]. О «таком подвиге» штаб-лекаря было немедленно доложено командующему VII областью Долгорукову, а Руновский выразил лекарю свою глубокую признательность [1, л. 75–76]. «Таковой похвальной его подвиг, – отметил Долгоруков – не премину предложить на Высочайшее рассмотрение» [1, л. 140].

По документам канцелярии губернатора, делопроизводственной переписке, известно, но в весьма фрагментарном виде, что «пользование» больных ратников осуществлялось как в лазаретах при подразделениях, так и в больнице ведомства нижегородского приказа общественного призрения «на счет милиционной суммы» [3, л. 427].

Территориальное размещение отделений милиции

Территориально отделения ополченской милиции располагались следующим образом: 1-е – Нижний Новгород с округой; 2-е – Арзамас и прилегающие уездные территории; 3-е – Макарьев с округой. По сохранившимся источникам можно узнать лишь фрагментарные данные о квартировании отдельных подразделений нижегородского ополчения. Например, 3-й батальон 1-го отделения к маю 1807 г. был размещен в Балахне и ее окрестностях; 1-й батальон этого же отделения расквартирован в селах Соромово, Копосово, Починки и Дарьино, а штаб командира батальона полковника М.К. Агалина разместился в селе Большое Козино.

Общая же схема расположения ратников 1-го отделения, с указанием названий населенных пунктов и количества размещенных там людей, выглядит следующим образом [1,

л. 162]: Большое Козино – 429 чел., Дарьино – 51, Рогожино – 26, Копосово – 370, Костенево – 39, Молитовка – 47, Пыра – 24, Алешино – 22, Соромово – 329, Малое Козино – 144, Ляхово – 66, Василева Слобода – 247, Высоково – 138, Бурнаковка – 122, Починки – 148, Монастырская Покровская Слобода – 79, Урлово – 71, Поронино – 10, «деревня Осерина выморочная» – 6.

По предписанию губернатора командир нижегородской инвалидной роты капитан Степанов занимался вопросами размещения ратников в Нижнем Новгороде [1, л. 64]. По местам квартирования 2-го отделения точных сведений не имеется.

1-й батальон 3-го отделения, под командованием коллежского советника А.К. Шебуева квартировал в Макарьеве и селе Лыскове с прилегающими деревнями. Известен следующий факт: по истечении некоторого времени квартирования ратников в Макарьеве выяснилось, что дома и городская инфраструктура не подготовлены к такому количеству проживающих, и И.С. Белавин приказал «отвести (для квартирования. – Д.Н.) удобные селения и деревни» [1, л. 82] – и вскоре, «по смежности Макарьевского и Княгининского уездов», 10 июня 736 человек ратников были переведены именно в Княгининский уезд, в села Лубенцы, Шахматово, Пакуново и деревни Чернуха, Раменки и Курамки [1, л. 139]. Впрочем, ситуация улучшилась ненадолго, и вскоре уже жители села Шахматово «с деревнями» жаловались «на счет отягощения <...> постоем от расположенных там по квартирам» ратников [1, л. 180] – и квартирмейстерам вновь приходилось искать новые «удобные селения».

«Начальник нижегородского губернского милиционного ополчения генерал-лейтенант И.С. Белавин от перенапряжения физических сил заболел и скончался 7 июля 1807 года, после чего командование подвижной милицией было передано генерал-майору Е.Ф. Купреянову» [4, с. 73]; но к осени 1807 г. (ввиду невыясненных обстоятельств) исполняющим обязанности («правлящим должность») командующего ополчением (на завершающем этапе его существования) стал генерал-лейтенант Н.О. Кутлубицкий.

Инструкция для VII области.

Военное обучение и дисциплинарные меры

Ратники, поступавшие в земское ополчение, распределялись по отделениям и батальонам. «Общая инструкция для Седьмой области» (не «отягощенной» до поры до времени военно-административными предписаниями), полученная Белавиным, содержала в себе общий кодекс поведения «начальник–подчиненный» (основанный на военных уставах), которого следова-

ла придерживаться в ополченской повседневности. «Доброе поведение» ратников предписывалось устанавливать «хорошим распоряжением, большим попечением о подчиненных, но всего более строгим <...> наказанием за дурные дела и награждением за хорошие» [1, л. 113об]. За малозначимые воинские проступки следовали: домашний арест («невывпуск из квартиры»), внеочередное караульное дежурство, дополнительные занятия по военному обучению [1, л. 113об]. За преступления же «важные» («или по следствию окажется, или уже и пойман будет в дезерции») полагалось «тотчас по выбритию лба привести к присяге и представить для отправления в армию для замены своего селения рекрута» [1, л. 113об]. В качестве же поощрения за хорошую службу полагались краткосрочный отпуск домой «к сродникам на их поручительство», временное освобождение от военного обучения, предоставление большего количества свободного времени, а также позволение ратникам «для своей пользы заниматься работою» и пр. [1, л. 113об]. Командирам ратников предписывалось также «весьма воздерживать их (ратников. – Д.Н.) от буйства, вводить доброе согласие», приведя в конечном итоге войско, «в хорошую нравственность» и «довести солдат до познания их должности» [1, л. 113об].

Главными целями военного обучения, помимо отработки правил общей воинской дисциплины, признавались: меткая («цельная») стрельба «без торопости в присутствии офицера» и приемы скорого заряжания оружия при условии экономии пороха. «Учить примером, когда все ловкости спознают, тогда порохом учить <...> для сих учений не нужно людей собирать, а можно обучить в квартирах» [1, л. 113об]. За меткую стрельбу также полагались вышеперечисленные поощрения, которые должны были к стрельбе «всех приохотить». Важное место в военной подготовке ратников имела и подготовка строевая, которая мыслилась не как парадная шагистика, а как важная часть боевого построения и оперативного развертывания на уровне рот, батальонов и «отделений»: «держат строй в рядах и шеренгах, потом равно маршировать <...> потом строить колонны» [1, л. 114]. Для достижения лучшего эффекта строевой подготовки ополченскими командирами были затребованы люди, «знающие барабанную науку», которых прикомандировали к штатным воинским командам для обучения новичков [1, л. 66–67]. Командирам также было рекомендовано «никогда долго не учить, а наипаче если происходило учение удачно» [1, л. 114], никому не быть «запальчивым в учении», а стараться проявлять максимальное тер-

пение и настойчивость. Главное, как отмечалось в инструкции, «чтобы в земле (т.е. в ополченской среде и в данной местности. – Д.Н.) было спокойствие, о сем Начальник войска неусыпно должен пеших» [1, л. 114], помогая и местным (гражданским) властям, но и те, в свою очередь, должны по его требованию исполнять необходимые распоряжения «и быть уверены, что спокойствие губернии обеим начальствам честь сделают, а напротив, при случившемся беспокойстве неизменно во всем ответственность будет» [1, л. 114].

Помимо офицерского и унтер-офицерского состава собственно ополчения, оказывать необходимую помощь в его формировании и действиях (сбор, сопровождение ратников, наблюдение за дисциплиной и пр.) должны были «служители» нижегородской губернской роты и городских (уездных) штатных воинских команд, расчет которых был сделан к 1 января 1807 г. [5, л. 22–23].

Вопросы соблюдения требований воинской дисциплины и «гражданственного послушания» касались не только ратников, но и офицерской ополченской среды, за которой также велся контроль со стороны как военных, так и гражданских, местных властей. Так, например, васьковский уездный предводитель дворянства Демидов поделился своими пространными соображениями по поводу образа «мыслей и действий» одного из командиров ополчения, чье подразделение располагалось в уездном селе Вершинине – сотенного Ульянова – с местным земским исправником Станиславским: «что, по дошедшим до него, предводителя, слухам <...> господин Ульянов <...> приступил к некоторому распоряжению (в отношении. – Д.Н.) ратников, тут живущих, как-то: приказывая им переделывать из крестьянских рубах в немецкие, чтоб имели на себе галстуки, чтоб ходили по очереди к отправлению при нем должностей вестовых и под видом осмотра собирает ратников на сходку, чрез то нарушает отправление <...> их занятий» [5, л. 44]. Не исключалась, по мнению местного предводителя, помимо «странного и подозрительного» поведения воинского начальника, и коррупционная подоплека составляющего процесса, «будто внушая им (ратникам. – Д.Н.), что от положенных по сему предмету эволюций (он, Ульянов. – Д.Н.) может некоторых из ратников по воле своей делать свободными и будто бы сим открыл стезю для получения себе интересного прироста» [5, л. 44]. Земскому исправнику поручалось «скромным образом» прибыть в назначенное место и подробно выяснить все обстоятельства данного дела, что и было исполнено [5, л. 44об]:

исправник зафиксировал в отчетном документе, что в целом за исключением небольших отклонений от требований воинских уставов и некоторого нарушения формы одежды, «ничего непозволительного им, господином Ульяновым, делано не было» [5, л. 45].

Несмотря на высокий в целом уровень воинской дисциплины ополченских подразделений, отмечались случаи дезертирства ратников с военной службы. Заранее предполагая это неизбежное явление, «Общая инструкция по VII области» уделяла самое пристальное внимание как предупредительным мерам, так и собственно борьбе с дезертирством в рамках как тогдашней военно-административной практики, так и своеобразных «собственных» понятий о справедливости предполагаемого наказания [1, л. 113–114об]. В этом документе дезертирство расценивалось как опасное преступное явление, могущее принести «беспокойствие» среди ратников и населения той местности, где они находятся, поскольку дезертиры, «по чрезвычайной обширности местности легко могут делать укрывательство» [1, л. 114]. Согласно циркуляру военной коллегии, «относительно беглецов <...> оказавшихся уже и буде впредь кто окажется в бегах и других преступлениях из ратников, пойманы ли они, или добровольно явились <...> отсылать в ближайшие воинские команды <...> с надлежащим присмотром» [6, л. 1]. Превентивные меры по устранению причин этого явления предусматривали недопущение «несмотрения начальников, незначительного приращения за подчиненным» [1, л. 113]. Признавались, в качестве возможных причин дезертирства: неадекватность применяемых наказаний, «от малых вин причиняемый страх» [1, л. 114], физическое насилие и психологическое давление в армейской среде, совершаемые, порой, людьми, «кои и в домашнем быту не должны были быть терпимы» [1, л. 114], тем более учитывая факторы многочисленности и скученности людей, поскольку «в большом числе ратников будут и таковые изверги» [1, л. 114]. Тем не менее, с учетом фактора борьбы с «казарменным хулиганством», наилучшим способом борьбы с дезертирством предполагалось заинтересованное участие местного населения, «что если оной (дезертир. – Д.Н.) пойман будет, (то) тотчас (будет. – Д.Н.) отправлен в армию <...> в замен его селению, а кто приведет, тому селение засчитает семейству» [1, л. 114об], т.е. пойманный дезертир должен был теперь стать не ратником, а рекрутом [7, л. 13] со всеми вытекающими отсюда последствиями, а лица, поймавшие его (а также их ближайшие родственники), очевидно, отстранялись в дальнейшем от

участия в рекрутской жеребьевке и распределении рекрутских норм. Отмечалось и то обстоятельство, что дезертир не мог долго скрываться без посторонней помощи «и для того по приводе дезертира изыскать <...> военным следствием, где дезертир укрывательство имел и тотчас из того дому взять человека не в зачет в милицию» [1, л. 114об].

Несмотря на декларируемую в борьбе с дезертирством «политику кнута и пряника», оно (в ограниченном масштабе) существовало. В рапортах командования сообщалось о бегстве из рядов милиции семеновских крестьян В. Никитина, А. Филиппова, Н. Сидорова и Г. Семенова [5, л. 64]. Затем, в марте 1807 г., ополчение покинули горбатовские ратники И. Родионов и В. Павлов [5, л. 85, 129], было сообщено о бегстве, поимке и «представлении» в сергачский нижний земский суд ратников Р. Алексеева и П. Панфилова [5, л. 137]. Крестьяне села Кладбищи А. Дубровин и В. Маняков (к тому же подозревавшиеся «в краже ими Васильской округи крестьянина деревни Лещевки Осипа Андреева разного имущества» [8, л. 229]) несколько месяцев укрывали у себя беглого ратника И. Бриткина [8, л. 1–8]; велись поиски «пропавшего без вести» «дворового человека А. Иванова» [9, л. 2]. Известно и о некоторых фактах преступлений, произошедших в процессе сбора ополчения: так, например, из васильского нижнего земского суда было «неведомо кем похищено 1295 рублей (пожертвованных. – Д.Н.) денег» [5, л. 71]. Сообщалось и о несчастных случаях, происходивших с ратниками: «Тимофеем Григорьевым во время проезда его в город Нижний Новгород нечаянным случаем упал с саней и переломил левую ногу ниже колена кость пополам» [5, л. 153]. Во время перехода батальона стрелков во Владимирскую губернию, в Горбатове остались 7 заболевших ратников, один из которых – И. Кашин – умер [10, л. 121]; по дороге в Муром был оставлен в больнице ратник «Елистрат Иванов Аронов <...> содержась под стражею, волею Божией, помре» [7, л. 133].

Продовольственное обеспечение ратников милиции

Согласно предписаниям, по первоначальному плану милицейского набора предполагалось собрать трехмесячный провиант на 16500 чел., исходя из директивы, что на каждого ратника приходилось 5 пудов 25 фунтов муки (или по 6 четвертей), 4,5 гарнца крупы и 6 фунтов соли. В документах почти не сохранилось подробностей этого «первоначального» сбора, но, оче-

видно, что он прошел не без трудностей, поскольку впервые в истории края собиралось беспрецедентно большое количество провианта, исходя из числа мобилизованных ратников. Итоговые данные провиантского сбора, по весне 1807 г., выглядели следующим образом.

«По прежнему образованию милиции Нижегородской губернии» [11, л. 2]:

Нижегородский уезд: ратников – 1792 чел.; муки – 10080 пудов; крупы – 128 четвертей; соли – 268 пудов 32 фунта;

Горбатовский уезд: ратников – 1368 чел.; муки – 7695 пудов; крупы – 96 четвертей 1 четверик 4 гарнца; соли: 205 пудов 8 фунтов;

Арзамасский уезд: ратников – 1170 чел.; муки – 9956 пудов 10 фунтов; крупы – 124 четверти 3 четверика 5 гарнцев; соли: 265 пудов 20 фунтов;

Ардатовский уезд: ратников – 1459 чел.; муки – 8206 пудов 35 фунтов; крупы – 102 четверти 4 четверика 5 гарнцев; соли: 218 пудов 34 фунта;

Лукояновский уезд: ратников – 2158 чел.; муки – 12138 пудов 30 фунтов; крупы – 151 четверть 5 четвериков 7 гарнцев; соли: 323 пуда 28 фунтов;

Сергачский уезд: ратников – 1557 чел.; муки – 8758 пудов 5 фунтов; крупы – 193 четверти 6 четверика; соли: 233 пуда 22 фунта;

Княгининский уезд: ратников – 1458 чел.; муки – 8662 пуда 20 фунтов; крупы – 108 четвертей 2 четверика 2 гарнца; соли: 231 пуд;

Васильский уезд: ратников – 1179 чел.; муки – 6631 пуд 5 фунтов; крупы – 82 четверти 7 четверика 0,5 гарнца; соли: 176 пудов 34 фунта;

Макарьевский уезд: ратников – 1130 чел.; муки – 6356 пудов 10 фунтов; крупы – 79 четвертей 3 четверика 5 гарнцев; соли: 164 пуда 20 фунтов;

Балахнинский уезд: ратников – 1474 чел.; муки – 8291 пуд 10 фунтов; крупы – 103 четверти 5 четвериков 1 гарнец; соли: 221 пуд 4 фунта;

Семеновский уезд: ратников – 1103 чел.; муки – 6035 пудов 25 фунтов; крупы – 75 четвертей 3 четверика 4,5 гарнцев; соли: 160 пудов 38 фунтов;

Итого по всем уездам Нижегородской губернии: ратников – 16500 чел.; муки – 92812 пудов 20 фунтов; крупы – 1160 четвертей 1 четверик 2 гарнца; соли: 2475 пудов.

Провиант перевозился «с селений» в места расположения отделений милиции – в Нижний Новгород «с округой», а также в Арзамасский, Балахнинский и Макарьевский уезды и поступал на специальные склады («магазинны»), «безопасные от огня и воды» [3, л. 7], находившиеся под наблюдением местных властей и

имевшие круглосуточную охрану [3, л. 6]; затем «полумесячными (или месячными) порциями» отпускаясь по подразделениям. Сбором, доставкой и распределением провианта занимались комиссионеры (или комиссары), выбранные из дворянской среды «из числа людей честных и благонадежных» [3, л. 7]. Учитывая, что определенное количество провианта уже было израсходовано милицией первого набора, то, приказанию Долгорукова от 11 мая 1807 г., Руновский должен был «вместе с Начальниками (отделений. – Д.Н.) подвижной милиции сделать счет и доставить мне (сведения. – Д.Н.) по какому точно числу станет прежде собранной 3-х месячной провиант на милицию на нынешнее количество унтер-офицеров и ратников» [3, л. 27].

Постепенно, по мере упорядочения процессов хранения и распределения запасов, деятельность многих комиссаров становилась ненужной, и ввиду острого недостатка офицеров в «строевом» ополчении, Белавин получил предписание о переводе некоторых комиссаров в действующие части [3, л. 29–29об]. Данная инициатива встретила серьезные возражения, а затем, и уточнения, со стороны Руновского, предложившего в итоге расширить географические «пределы ведомства» остающихся на прежней службе комиссаров [3, л. 30–31]. Ввиду этих причин процесс перевоза провианта в магазин было предписано ускорить [3, л. 38–40]. Долгоруков согласился с некоторыми доводами Руновского, и, действительно, часть этих чиновников была оставлена на прежней службе [3, л. 58] с определением им «паритетного», по чину, жалованья: «штаб-офицерского чина – противу сотника, обер-офицерского – противу пятидесятника» [3, л. 58]. На «действительную службу» были определены: в 1-е отделение – горбатовский комиссар Кослищев, балахнинский – Иванов (прапорщик); во 2-е отделение – ардаатовский – Мосолов (коллежский асессор), арзамасский – Ленштет (гвардии поручик), лужковский – Бутурлин (поручик); в 3-е отделение – макарьевский – Шипилов (гвардии прапорщик) [3, л. 63].

В ходе перевозки провианта к местам базирования воинских подразделений, возникали неприятные и совсем «не патриотические» инциденты. Командующий 3-м отделением генерал-майор П.Б. Григорьев сообщил об инциденте в Макарьево, который потребовал вмешательства губернатора и управления ситуацией в «ручном» режиме, а именно для перевозки груза провианта Григорьев затребовал от города Макарьево «малое количество» [3, л. 60] «рабочих людей с лошадьми» [3, л. 60], но «градская дума» отказалась исполнить это требование,

ответствовав тому, что «от Вышнего начальства таких повелений не имеет» [3, л. 60] и в контексте жалобы думы Руновскому, в качестве весомой аргументации, была приведена ссылка из Жалованной грамоты 1785 г. («Власть имеющие, места, или лица да не налагают на город податей, служб, или тягостей без подписания руки Его Императорского Величества» [3, л. 61]). Вопрос в итоге был разрешен, а члены макарьевской градской думы получили серьезное морализаторское внушение [3, л. 61]; несколько позднее аналогичный инцидент произошел в Балахне и точно с таким же результатом [3, л. 77]. Провиант из Горбатовского и Семеновского уездов перевозился в Нижегородский и Балахнинский уезды; в Арзамасский уезд – из Лукояновского и Ардаатовского; в Макарьевский – из Сергачского, Княгининского и Васильского. За перевозку «из Василя в Макарьево водою провианта плачено <...> с куля 50 коп.» [11, л. 4]; перевозку же осуществил «подрядчик Васильской округи села Фокина крестьянин Конон Левакин на собственном его судне» [11, л. 73].

Весь запас продовольствия теперь следовало «расположить на нижеследующее полное число людей: на унтер-офицеров – 252 чел., барабанщиков – 48 чел., ратников – 6372 чел., нестроевых – 240 чел., денщиков – 264 чел., а всего на 7176 чел.»³ [11, л. 172]. 4 сентября 1807 г. в Нижнем Новгороде, где хранилась значительная часть провианта 1-го отделения милиции, «полночи в 4 часа от случившейся сильной грозы последовал громовой удар в башню каменной городской стены, от которого она башня, с хранившимися в ней собранным на продовольствие здешней подвижной милиции провиантом внутри, загорелась и при всех усилиях полиции и милиции ни одного куля за чрезвычайным дымом и огнем спасти было невозможно без повреждения» [3, л. 219]. По предварительным подсчетам, сгорело 1075 четвертей 5 четвериков муки и 100 четвертей 7 четвериков 4 гарнца крупы [3, л. 293]. Вероятно, немалое количество продовольствия было, к тому же, подпорчено огнем. Теперь следовало принимать экстренные дополнительные меры для продовольственного обеспечения ратников, и первым мероприятием в этом направлении стало предупреждение (через уездных предводителей дворянства) как «добровольных жертвователей», так и недоимщиков о немедленной ликвидации задолженности либо срочном внесении добровольно пожертвованных провианта и денег⁴.

Одним из эффективных способов доставки необходимого провианта по-прежнему оставался водный путь, которым значительная часть провианта была перевезена из Лыскова в Ниж-

ний Новгород [3, л. 246]. Подрядчики-судовладельцы заключали договора на доставку грузов с макарьевским предводителем дворянства [3, л. 246]. «Безубыточность» этой коммерческой сделки для казенных средств гарантировал губернский предводитель дворянства Г.А. Грузинский, предписавший в случае незапланированных на этот счет расходов «удовлетворить <...> из собственных моих денег» [3, л. 257]. Кроме того, принимался во внимание фактор скорого возможного перемещения (согласно приказу командования) 6000 нижегородских ратников во Владимирскую губернию, а следовательно, и отсутствия потребности в большом количестве продовольствия [3, л. 234].

К октябрю 1807 г., согласно «Ведомости, сколько из собранного по Нижегородской губернии на милицию провианта с апреля по октябрь употреблено в расход, сколько сгорело и сколько за тем к октябрю в наличности осталось», ситуация с продовольствием для ратников милиции выглядела следующим образом [3, л. 346].

«Употреблено в расход в магазейнах:

Нижегородских: муки – 14619 пудов 7 фунтов; крупы – 187 четвертей 6 четвериков 4 5/30 гарнца, «вместо соли денег» – 157 руб. 34 коп.;

Арзамасских: муки – 20222 пуда 10 фунтов; крупы – 252 четвертей 6 четвериков 1 4/5 гарнца, соли – 526 пудов 7 фунтов;

Макарьевских: муки – 26352 пуда 3½ фунта; крупы – 329 четвертей 3 четверика 2¼ гарнца (данных по расходу соли не имеется);

Балахнинских: муки – 7838 пудов 20 фунтов; крупы – 97 четвертей 7 четвериков 3 гарнца, соли – 208 пудов 31 фунт.

Итого израсходовано продовольствия: муки – 69032 пуда 29½ фунта; крупы – 864 четверти 7 четвериков 2 гарнца, соли – 734 пуда 38 фунтов, «вместо соли денег» – 157 руб. 34 коп.;

«Сгорело»: муки – 7796 пудов 31 фунт; крупы – 100 четвертей 7 четвериков 4 гарнца.

«Всего в расходе и сгоревшего»: муки – 76829 пудов 20½ фунта; крупы – 968 четвертей 6 четвериков 6 гарнцев, соли – 734 пуда 38 фунтов «вместо соли денег» – 157 руб. 34 коп.

«Затем в наличности в 1-м и 2-м отделениях к октябрю, а в 3-м отделении к 29-му октября осталось в магазейнах» [3, л. 346]: муки – 9916 пудов 7½ фунтов; крупы – 115 четвертей 1 четверик 6 1/5 гарнца, соли – 365 пудов 29 фунтов, «вместо соли денег» – 91 руб. 6 коп.

«Осталось в недоимке»: муки – 5631 пуд 27½ фунтов; крупы – 75 четвертей 7 четвериков 6¼ гарнца, соли – 505 пудов 32 фунта, «вместо соли денег» – 90 коп.

В конце октября 1807 г. 6000 нижегородских ратников ополчения выступили «в поход» во

Владимирскую губернию, и острота продовольственных проблем значительно снизилась. Долгоруков потребовал от вице-губернатора Шишкова нового отчета о наличии и местах хранения оставшегося провианта и потребовал «окончательного» увольнения с должностей всех комиссаров⁵.

К 1 ноября 1807 г. в ведомости, поданной Долгорукову, было указано, что всего в магазейнах Нижегородской губернии оставалось муки – 5478 пудов 35½ фунта; крупы – 60 четвертей 4 четверика 4 гарнца, соли – 245 пудов 7 фунтов, «вместо соли денег» – 51 руб. 44 коп. [3, л. 359]. Значительное количество продовольствия продолжало оставаться в недоимке⁶, но, вероятно, не только в силу «неправедного» умысла «отдатчиков», а ввиду не востребоваемости его ранее и возможного нежелания отдавать потом. В начале ноября был начат процесс увольнения с должностей продовольственных комиссаров [3, л. 364] и развернута широкая кампания по взысканию недоимок – к этому, в первую очередь, были подключены местные власти: городничие, уездные земские исправники, нижние земские суды [3, л. 379].

В ходе мероприятий по ликвидации недоимок стали выясняться истинные масштабы недопоставок продовольствия, которые, по рапортам комиссаров, сдающих свои дела, не были слишком большими и на самом деле проблема недоимок как таковая возникла из-за неправильной отчетности и многих ранее не учтенных данных [3, л. 410]. По ликвидации подразделений милиции остатки продовольствия должны были поступить в провиантский департамент и на снабжение пока квартирующего в Нижнем Новгороде отборного батальона. В связи с перемещением запасов провианта, сдачей значительной части его в провиантское ведомство и порчей при пожаре в Нижнем Новгороде, вновь приобрел остроту вопрос о снабжении пресловутого батальона [3, л. 438] и начались письменные дискуссии военного и гражданского руководства о его переводе «в места, где оно (провианта. – Д.Н.) довольно количества в сборе находится» [3, л. 464]. Таким местом нового базирования подразделения должен был стать Арзамас, где действительно находились достаточные запасы [3, л. 427], но в ходе начавшейся подготовки батальона к перемещению арзамасский городской голова И.А. Попов «из усердия его к Отечеству», подал прошение к начальнику ополчения, в котором «объявил добровольное свое желание на перевозку одного из Арзамаса в Нижний Новгород собственным его коштом» [3, л. 456], т.е., фактически, за счет своих финансовых средств субсидировал пере-

возку объемного груза. Действия Попова были восприняты «с сугубой признательностью» и Кутлубицкий (командующий ополчением в тот период времени) отдал приказание, «дабы ратников безвременно не изнурять походом <...> оставить баталион по-прежнему в Нижнем Новгороде» [3, л. 456]. По роспуске земского войска «в первобытное состояние» собранный для него провиант передавался в провиантский департамент, а именно в оренбургское провиантское депо, «коему от губернских начальств доставить (следует. – Д.Н.) о нем (наличии провианта. – Д.Н.) подробное сведение сколько где сего обращенного в провиантское ведомство хлеба состоит» [11, л. 4], что и было выполнено.

Сбор пожертвований и недоимок

Помимо обязательных «добровольных пожертвований» в размере 3 руб. на каждого ратника и дополнительного сбора по 50 коп. «с каждой владеемой души», которые вносили владельцы-помещики, всячески приветствовалось проявление самостоятельной, в этом смысле, инициативы отдельных лиц. Пожертвования эти «были приносимы разными лицами усердием и любовью к Отечеству движимые предназначили из окладов жалованья их, пенсioнов и доходов разные срочные взносы, доколе война продолжится. Изъявив в свое время от имени благородного Отечества признательность нашу к сим отличным опытам благонамеренности и ныне паки оную возобновляли, повелеваем все таковые срочные взносы прекратить и оклады, из коих они были вычитаемы, или удерживаемы, производить сполна по-прежнему» [12, л. 1]. Все сказанное означало, что новых пожертвований делать было не нужно, но то, что обязались добровольно делать «по подпискам», т.е. письменным обязательствам, необходимо было исполнить до конца, вне зависимости от того, что ополчение уже прекратило свои действия. По далеко не полным сведениям по Нижегородской губернии «пожертвования таковые были на все время ополчения милиции, а именно в здешнем городе (Нижнем Новгороде. – Д.Н.) Его Превосходительство <...> губернатор столовые деньги по сту рублей в месяц» [12, л. 1]; в Семенове уездный судья Жедринский «из получаемого им жалованья трех сот рублей третью часть, 99 рублей, чтоб оные вычитать в три трети, начиная с майской» [12, л. 1]; семеновский же земский исправник Пантелеев жертвовал «получаемый им за военную службу пенсioн за нынешний год 134 руб. 64 коп.» [12, л. 2]. Княгининский земский исправник Лодыженский отдал «жалованья 250 руб. с вычетом по

третьям года» [12, л. 2]. В Сергаче «подписались»: титулярный советник Бобоедов «положенных по выбору его в милицию сотенным начальником жалованье 120 руб.; штаб-лекарь Кречетов из получаемого им жалованья ежегодно по 25 руб.; земский исправник Брехов в каждой месяц по 5 руб.; заседатель земского суда Попов в каждую треть по 5 руб. Из коих и вычтено у Его Превосходительства столовых денег по октябрь месяц. Семеновского уезда судьи Жедринского, исправника Пантелеева и княгининского исправника Лодыженского по сентябрь» [12, л. 2]. По Сергачу же у «Бобоедова <...>, Кречетова <...>, Брехова <...> и Попова вычету не учинено» [12, л. 2], но если Брехов, Кречетов и Попов продолжали «отправлять службу» и с них просто удержали в казну часть жалованья, то «по ненахождении Бобоедова в милиции и нигде при должности», взыскать сумму долга было, очевидно, проблематично. «Дело» Бобоедова полнилось внушительной ведомственной перепиской, и «почин» его был «поддержан» многими лицами, за которыми также числились «пожертвованные недоимки». Тем временем вице-губернатор Шишков, ознакомленный с выпиской из журнала заседаний «Комитета для главного производства дел по милиции учрежденного» [13, л. 3], в отношении к нижегородскому губернскому правлению недвусмысленно указал: «господин Министр Внутренних Дел, по препоручению комитета о милиции препроводил ко мне для надлежащего исполнения <...> положение, касательно добровольных взносов некоторыми лицами предназначенных и действительно еще от них не поступивших <...> взносы, назначенные градскими обществами, так и приношения частные и добровольные ни к возвращению, ни к зачетам не следуют и должны быть внесены беспрекословно <...> принять (к этому. – Д.Н.) надлежащие меры» [13, л. 2].

Согласно «Ведомости, учиненной в нижегородской казенной палате, сколько пожертвованных на содержание милиции здешней губернии денег осталось в доимке», к концу 1807 г. общие размеры невнесенных сумм составляли:

«По Нижнему Новгороду»: (где должником был генерал-майор Баженов, обещавший внести «получаемых им по ордену Святой Анны 3-го класса из орденового капитула в пенсioн 100 руб.») – 100 руб.; «По Арзамасу – 10 руб.»; Макарьеву – 55 руб.; «Сергачским титулярным советником Бобоедовым» – 120 руб.; Лукоянову – 100 руб.; Княгинину – 150 руб.; «Всего невнесенных: 1425 руб. 66 коп.» [13, л. 10]. В скором времени в результате совместных действий местных городничих, казенной палаты, нижего-

родского губернского правления и нижних земских судов все недоимки были выплачены в казну [13, л. 44–45].

Роспуск ополчения

Война завершилась Тильзитским миром и 27 сентября 1807 г. император Александр I обнародовал манифест «О прекращении существования земского войска и о обращении ратников в первобытное состояние» [14, с. 1291–1293], согласно которому ополчения распускались по домам; на имя главнокомандующего VII областью земского войска также был дан соответствующий рескрипт [7, л. 2]. 3 ноября 1807 г. вышел царский указ, повелевавший «отставных из милиции по губерниях оставить при оной в нужном количестве до окончательного распределения и возвращать на прежние их жилища» [7, л. 30], после чего большая часть ратников земской служащей милиции была переведена на службу рекрутами в регулярную армию, которые пошли «в зачет» 77-го рекрутского набора. 6000 ратников нижегородского земского войска (уже, очевидно, переводимых в рекруты) были отправлены «в поход» во Владимирскую губернию [7, л. 34]. Всего по всем «ополчающимся» губерниям Российской империи из 200374 ратников подвижной милиции 12778 удалось вернуться домой, 220 чел. получили на службе травмы и увечья, а также заболели и также получили разрешение вернуться. 7375 чел. умерли в период службы, пропало без вести, скорее всего, ввиду дезертирства, 2619 чел. [15, с. 59].

Согласно Манифесту от 27 сентября 1807 г., «в четыре-недельный срок, по получении и обнародовании сего Манифеста, в каждой Губернии помещики, мещанские общества и селения имеют объявить в Земских Судах о желании их оставить ратников вместо рекрут на службе, или возвратить их на прежние жилища» [14, с. 1291–1293]. Этим правом многие пытались воспользоваться: так, например, староста вотчины помещицы Н.П. Юшковой села Чернухи Нижегородского уезда И. Александров отправил ходатайство на «Высочайшее имя» о возвращении крестьянина Коровина, о котором было известно, что тот находился «в числе шеститысячной партии (нижегородских ратников. – Д.Н.) Владимирской губернии в городе Гороховце, а ныне уже поступил в ведомство Казанской адмиралтейской конторы и оставлен в городе Казани» [16, л. 1]; по справке же из Военной коллегии «Нижегородской губернии ратники по Высочайшему повелению обращены во флот и по спискам требующихся в возврат <...>

помянутый ратник не значится» [16, л. 5]. Более удачно, несмотря на известные стереотипы мышления, которые порой применяют к описываемой эпохе, разрешилось «дело» крестьянок «вольнопахотного села Бор» Семеновского уезда А. Васильевой и Н. Григорьевой, также подавших прошения на царское имя с просьбой о возвращении мужей, отданных в ратники и поступивших в итоге в рекруты. Они указали в прошении, что крестьянский сход «приговорил к возвращению их мужей», этот приговор был вовремя доставлен через нижний земский суд в нижегородское губернское правление, «а как известно, наши мужья находятся <...> в Литовском полку, а последней в Москве в пожарной команде» [17, л. 2]. В отношении губернского правления, посланном московскому военному губернатору Т.И. Тутолмину, были изложены обстоятельства дела с добавлением сведений о крестьянском приговоре в отношении этих людей и наличии у них детей; из семеновского земского суда сообщили, в свою очередь, о необходимости «исследования» этого дела на предмет выяснения «общественного мнения»: все ли крестьяне хотели их вернуть «и кто, и сколько не хотели» [17, л. 7].

Несмотря на то что ответ Тутолмина был достаточно краток и циничен («не почитаю я себя вправе дать в отмену одного о возврате ошибкою на службе оставленного ратника Лялина» [17, л. 15]), правление отправило следующий запрос уже в военную коллегию, откуда пришел ответ более обнадеживающего свойства и к середине 1809 г. (!) служащий московской пожарной команды Лялин был отправлен домой [17, л. 18].

Сохранились многочисленные протоколы мирских крестьянских сходов (удельных и экономических крестьян, поскольку за «владельческих» крестьян решали сами помещики) по вопросам возвращения/невозвращения ратников домой. По этим вопросам устраивались крестьянские «собрания», с полным перечислением в протоколах всех участников, с резолюциями по императорскому указу «о возвращении в первобытное состояние», с указаниями конкретных решений и порой причин этих решений. Вот, например, один из протоколов сельского схода: «1807 г. октября 20 дня мы нижеподписавшиеся Семеновской округи экономической Медведевской волости первого пятисотного участка крестьяне хозяева домов будучи на собранном мирском сходе имели рассуждение как объявленным из Семеновского нижнего земского суда приказом с приложением при нем Высочайшего Манифеста, состоявшегося в 27 день минувшего сентября о возвращении всех ратников, поступивших в земское войско, в

первобытное состояние, или пожелают оставить в военной службе, велено учинить об оном мирские приговоры и доставить в тот суд, вследствие чего и учинили сей мирской приговор в том, поступившие от сего участка в земское войско ратники 8 человек <...> желаем принять по-прежнему в жительство» [18, л. 16–28]. Далее в документах шел перечень имен ратников с местами их проживания и примечание о том, что «на объявленном сходе хозяев была большая половина, а которые за отлучкой хотя и не были, но противоречий (т.е. возражений против решения схода. – Д.Н.) после того никакого не произвели и не производят, почему (решение схода следует. – Д.Н.) утверждать действительным» [18, л. 16–28]. Оценивая в целом информацию протоколов крестьянских сходов с разных пятосотенных участков, следует заметить, что ратников и возвращали, и не возвращали с соответствующими формулировками: «принять по-прежнему в жительство», «оставить в военной службе за распутство», «оставить в военной службе по очереди», «оставить в военной службе по очереди (имеется в виду рекрутская очередь. – Д.Н.) и за распутство» [18, л. 16–28]. Необходимо также заметить, что соблазн «оставления» на военной службе своих односельчан был достаточно велик, поскольку и «общества», и помещики получали за ушедших т.н. «зачетные рекрутские квитанции», а значит, учитывая количество призванных в армию, рекрутская очередь для очень многих оставшихся «в прежнем жителстве» могла подойти еще не скоро.

Возможность вернуться домой была и у многих ратников-рекрутов из числа 6000 чел., отправившихся маршем во Владимирскую губернию, насчет которых были получены соответствующие указания [7, л. 34]. Зачисленные на дальнейшую (рекрутскую) службу проходили «разбор» специально назначенных военных чиновников (приемщиков), которые, согласно наставлениям Государственной военной коллегии, формировали «партии» рекрутов согласно рекомендациям к дальнейшей службе [19, с. 1332–1333]. К местам дальнейшего служебного воинского назначения новонабранные рекруты могли выдвигаться совершенно разными в количественном отношении подразделениями. Сопровождающими, или старшими, таких «партий» могли быть как офицеры ополчения, так и служащие нижегородской губернской роты, которым также давались соответствующие инструкции [7, л. 267].

Рассматривая вопрос о награждениях наиболее отличившихся при создании ополчения, следует отметить, что в «Общей инструкции по

VII области» было сказано, в том числе, и несколько слов о справедливости либо неправедности возможных награждений, о том, в частности, что «никто не должен надеяться без заслуг на выпрошенные или пожалованные угождением рекомендации» [1, л. 114об], которых стало так много, что стало трудно объективно оценить степень реальных заслуг, «наглой <...> человек без заслуг преимущественен пред скромным» [1, л. 114], что является неправильным: «человек, в правилах живущий <...> за чрезвычайное отличие и без происков (должен награду. – Д.Н.) получить» [1, л. 114об]. Как отметил А.Н. Лушин, «Император Александр I по достоинству оценил деятельность нижегородских властей и дворянства по формированию земской подвижной милиции. Предводитель губернского дворянства действительный камергер князь Г.А. Грузинский был высочайше пожалован за формирование милиционной команды орденом святого Владимира 4-й степени. Командир батальона А.К. Шебуев по высочайшему соизволению был удостоен права ношения милиционного мундира с золотой медалью «Земскому войску» на владимирской ленте. Ряд нижегородских офицеров и чиновников удостоились награждения серебряной медалью «Земскому войску» на владимирской ленте, например, подпоручик А.В.Ульянин, состоящий в должности адъютанта начальника губернского земского ополчения» [4, л. 74]. Специальным рескриптом Александра I в 1808 г. дворянство Нижегородской губернии за образцовое устройство подвижной милиции было отмечено «высочайшим благоволением» [4, л. 74]. Доброволец и альтруист штаб-лекарь Кандауров, лечивший больных ратников за свой счет, также удостоился, помимо «высочайшего благоволения», золотой табакерки «с амалью» и золотой же медали [7, л. 260–261].

Заключение

Нижегородское ополчение 1806–1807 гг. явилось частью военно-стратегического резерва России, создание и бытование которого было законодательно утверждено в ходе государственного мобилизационного планирования. Нижегородское ополчение в составе 3 «отделений» под командованием И.С. Белавина входило в т.н. VII «областное войско», под общим командованием князя Ю.В. Долгорукова. Продовольственное обеспечение, обмундирование и вооружение ополченцев осуществлялось, главным образом, за счет «отдатчиков ратников» – поместного дворянства губернии. Ополчение состояло из представителей различных групп

населения, но в основном из крепостных крестьян; командный состав формировался в основном из отставных военных – представителей дворянского сословия губернии – и избирался на дворянских собраниях, как и уездные «продовольственные комиссары». В процессе сбора ополчения наблюдался ряд проблем, связанных со снабжением «ратников» как обмундированием, так и (на первом этапе формирования ополчения) необходимой одеждой; с нехваткой, в силу различных причин, необходимого по численности призывного контингента; с преодолением в различных местностях губернии психологической неготовности части населения именно к «ратническому», а не к рекрутскому призыву. Вполне успешно удалось решить проблему вооружения ополчения. Первоначальный «списочный» состав в 16500 чел. ратников Нижегородской губернии был подготовлен вовремя и в полном соответствии с «указными» сроками. Также в установленные сроки был набран и штат «4-х ротного (Нижегородского) батальона стрелков» милиции.

Второй этап набора «подвижной служащей милиции», также завершившийся в установленное время при выполнении основных «численных» (по количеству ратников и всем критериям их вооружения и обеспечения) и «штатных» показателей, характеризовался заметными конфликтами между уездными властями и представителями дворянства с уездными начальниками милиции из-за «качественного состава» «поставляемых» ратников, а также ввиду нарушения многих формализованных норм этих поставок. Ввиду неоднозначности толкования конфликтных ситуаций, многие из них приходилось разрешать высшим представителям губернской власти путем непосредственного вмешательства в процесс и управления «в ручном режиме». В процессе набора ратников были выявлены попытки подкупа многих должностных лиц (а также подозрения в нацеленности на совершение этих деяний). В период формирования ополчения выявился также острый недостаток медицинского персонала в подразделениях, который удалось восполнить путем принятия «услуг» врачей-добровольцев, а также путем административного давления и привлечения этим способом дополнительных медицинских кадров. Во многих местах сельская и городская инфраструктура в губернии не была должным образом подготовлена к «концентрированному» размещению ратников милиции, ввиду чего происходило частое перемещение многих ополченских подразделений на новые «удобные квартиры».

Созидание и военное обучение милиции проходило на основе военных уставов, адаптированных к жизненным реалиям в виде «Общей инструкции для VII области», и при строгом контроле со стороны гражданских и военных властей. Стоит отметить, высокий в целом уровень дисциплины и «начальственного послушания» со стороны воинского контингента; низкий, по сравнению с количеством призванных, уровень дезертирства и малое количество случаев девиантного поведения и проступков.

Вопросы продовольственного обеспечения милиции были разрешены вполне удовлетворительно, при дополнительном финансовом «жертвователем» участии многих должностных лиц губернии, кроме нескольких случаев неудачного логистического перемещения продовольствия, природного катаклизма и некоторой неразберихи в понимании властями функций и действий «продовольственных комиссаров». В ходе губернских мероприятий по ликвидации недоимок выяснилось, что их масштаб был несколько преувеличен ввиду неправильной отчетности, и в итоге все недоимки, усилиями представителей в основном местных органов власти, были выплачены в казну. По ликвидации «земского войска» как оргштатной военной структуры, большинство ратников было переведено в рекруты, а все материальные запасы были переданы, строго по отчетности, в казенные ведомства. Следует также отметить, что рекрутчина для большинства ратников не означала предопределенности такой же судьбы для всех, поскольку имелись документированные случаи возвращения людей обратно.

Многие должностные лица губернии, принимавшие активное участие в создании, обеспечении, обучении и деятельности ополчения, получили высокие царские награды, а дворянство губернии (в целом) было отмечено «высочайшим благоволением». Можно с уверенностью утверждать, что действия как губернских, так и уездных властей по формированию, обеспечению и военному обучению государственного мобилизационного резерва – местного ополчения – были в целом несмотря на многие недостатки, эффективны и привели к созданию относительно боеспособного (с учетом отведенного на это времени) и значительного по численности воинского подразделения. Комплексный опыт созидания местного ополчения 1806–1807 гг. будет должным образом востребован в 1812 г., когда возникнет необходимость созыва нового ополчения, которое также будет успешно подготовлено в установленные сроки и отличится в сражениях в ходе заграничного похода.

Примечания

1. С оговоркой «если он оное брать пожелает», поскольку были (и часто применялись на практике) варианты выбора: например, отказ от жалования, полностью или частично, из патриотических соображений и перечисление этой суммы в фонд пожертвований или в казну. Это всячески приветствовалось начальством с соответствующими записями в служебные формуляры и могло служить основанием для дальнейшего продвижения по службе либо для иных предпочтений для жертвователя.

2. Первоначально на отношение, с просьбой «воздействовать» на местных штаб-лекарей, направленное Белавиным в нижегородскую врачебную управу, там ответили, чтобы тот лично обратился с этой просьбой к каждому из них [1, л. 133]; но все же позднее содействие было оказано.

3. Как видно из приведенных данных, количество ратников, находившихся в строю к 1 июня 1807 г., меньше, чем положенные 7227 чел., но мы не располагаем документальными свидетельствами, которые могут обосновать динамику изменения численности личного состава ополчения.

4. Тем более что отказаться от сделанного обещания пожертвовать что-либо было уже нельзя, поскольку такие обязательства давались «под подписку» и невыполнение собственного добровольного обязательства означало не только потерю чести и «доброе имени», но и серьезные административно-уголовные меры.

5. Долгоруков – нижегородскому вице-губернатору Шишкову: «по выступлении нижегородской милиции 6000 ратников <...> в покупке провианта никакой нужды не имеется, а извольте прислать мне подробный расчет, в каких местах Нижегородской губернии находится сколько провианта и на сколько времени оно на оставшийся батальон стать может. Если провиант сей не находится более ведомстве комиссаров, то может их от службы уволить, окончив дачу жалования по день увольнения» [3, л. 348].

6. А именно муки – 5131 пудов 17½ фунтов; крупы – 64 четверти 3 четверика ¼ гарнца, соли – 502 пуда 26 фунтов, «вместо соли денег» – 78 коп. [3, л. 359].

Список литературы

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Оп. 4. Д. 59.
2. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г. Д. 335.
3. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 58.
4. Лушин А.Н. Нижегородская земская милиция в период русско-французской войны 1805–1807 годов // Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание. 2016. Вып. 47–48. С. 70–74.
5. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 57.
6. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1808 г. Д. 230.
7. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г. Д. 328.
8. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1808 г. Д. 229.
9. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1808 г. Д. 183.
10. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г. Д. 534.
11. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г. Д. 542.
12. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г. Д. 532.
13. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г. Д. 514.
14. О прекращении существования Земского войска, и о обращении ратников в первобытное состояние // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXIX. 1806–1807. СПб., 1830. С. 1291–1293.
15. Цеглеев Э.А. Земское войско России 1806–1807 гг. // Политика, государство и право. 2014. № 3. С. 56–59.
16. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1808 г. Д. 172.
17. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1808 г. Д. 173.
18. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г. Д. 250.
19. Наставление, данное Государственной Военной Коллегии Военным приемщикам, назначаемым к разбору в Губерниях Милиционных ратников, кои на основании Высочайшего Манифеста, 27 Сентября 1807 года изданного, помещиками, мещанскими обществами и селениями для службы оставлены будут // ПСЗРИ. Т. XXIX. 1806–1807. СПб., 1830. С. 1322–1333.

**NIZHNY NOVGOROD MILITIA 1806–1807:
ORGANIZATION, ARMAMENT, MAINTENANCE AND DISSOLUTION
(BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL ARCHIVE
OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION)
Part 2**

D.A. Nikolaev

The article deals with the formation of the Nizhny Novgorod militia in 1806–1807. On the basis of the materials of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region, the problems of material, financial and medical support of the militia, its territorial placement are considered. The nature and features of military training of the militia and the adoption of measures to strengthen military discipline are analyzed. The process of disbanding the militia is described.

Keywords: Nizhny Novgorod province, Nizhny Novgorod militia 1806–1807, zemstvo militia, Napoleonic Wars, officers, military and civil ranks, provision, donations.

References

1. Central archive of the Nizhny Novgorod region (TSANO). Coll. 2. Aids 4. Fol. 59.
2. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1807. Fol. 335.
3. TSANO. Coll. 2. Aids 4. Fol. 58.
4. Lushin A. N. Nizhny Novgorod Zemstvo militia during the Russo-French war years 1805–1807 // Nizhny Novgorod old. Local history and historical edition. 2016. Vol. 47–48. S. 70–74.
5. TSANO. Coll F. 2. Aids 4. Fol. 57.
6. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1808. Fol. 230.

7. TSANO. Coll. 5. Aids 41, 1807. Fol. 328.
8. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1808. Fol. 229.
9. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1808. Fol. 183.
10. TSANO. Coll. 5. Aids 41, 1807. Fol. 534.
11. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1807. Fol. 542.
12. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1807. Fol. 532.
13. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1807. Fol. 514.
14. On the dissolution of the land forces and the treatment of warriors to the original state // CCLRE. The first meeting. Vol. XXIX. 1806–1807. St. Petersburg, 1830. P. 1291–1293.
15. Tsegileev E.A. Zemstvo army of Russia 1806–1807 // Politics, state and law. 2014. № 3. P. 56–59.
16. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1808. Fol. 172.
17. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1808. Fol. 173.
18. TSANO. Coll. 5. Aids 41 1807. Fol. 250.
19. The instruction given by the State Military Collegium to Military receptionists appointed for analysis in the Provinces of Militia warriors, who, on the basis of the Highest Manifesto, issued on September 27, 1807, by landlords, petty-bourgeois societies and villages, will be left for service // PSZRI. T. XXIX. 1806–1807. SPb., 1830. P. 1322–1333.